

Володимир Гончарук
доктор хім. наук,
академік НАН України,
радник Президії НАН України,
директор Інституту
колоїдної хімії і хімії води
ім. А.В. Думанського
НАН України

*«Я бачу своє завдання в тому,
щоб не змушувати вас щось
робити, а змушувати
думати і приймати
спільні й правильні рішення»*

**ВИСТУП КАНДИДАТА
У ПРЕЗИДЕНТИ НАН УКРАЇНИ
АКАДЕМІКА В.В. ГОНЧАРУКА
ТА ОБГОВОРЕННЯ СТАНУ
НАУКОВОЇ СФЕРИ УКРАЇНИ
НА ЗАСІДАННІ ГРУПИ «НАУКА ТА ІННОВАЦІЇ»**

14 липня 2020 року в приміщенні Президії НАН України відбулося чергове засідання Ініціативної академічної групи «Наука та інновації» з серії зустрічей з кандидатами в Президенти НАН України.

У засіданні взяли участь академики НАН України **А.Г. Білоус, В.В. Гончарук, М.Т. Картель, В.М. Локтєв, Д.О. Мельничук, С.І. Пирожков, В.А. Широков, Я.С. Яцків**, члени-кореспонденти НАН України **В.Л. Мазур, А.М. Негрійко**, доктори наук **М.В. Мілюкін і В.П. Соловійов**, кандидат фіз.-мат. наук **Ю.О. Бондаренко**.

Співголови Ініціативної академічної групи – А.М. Негрійко та Я.С. Яцків.

Головуючий А.М. Негрійко: Шановні колеги! На нашому третьому засіданні групи, де ми слухаємо програми кандидатів у Президенти НАН України та обговорюємо стан науки в Україні, слово надається академіку НАН України **Владиславу Володимировичу Гончаруку**.

Дорогие коллеги!

Я благодарен за приглашение, за возможность пообщаться, рассказать о моем видении роли Академии и сегодняшней ситуации, которая сложилась в нашей стране. Но сначала я хотел бы вспомнить тех людей, которые дали мне путевку в жизнь, которые наложили отпечаток на мою судьбу, на мою жизнь.

Я родился в Средней Азии, в городе Ташкенте. Среднеазиатский университет по тому времени был одним из лучших университетов Советского Союза. После Второй мировой войны там работали почти все ведущие академики, с которыми я потом уже общался в Киеве и в Москве.

Путевку в жизнь мне дал академик **Яцимирский Константин Борисович**, который в Киевском госуниверситете читал лекции по квантовой химии. Одновременно я ходил на физфак и слушал лекции **Соломона Исааковича Пекаря** по квантовой физике. Тогда меня вводило в шок: Яцимирский говорил одно, Пекарь говорил совсем другое. Например, Яцимирский говорил: электрон – это частица, Пекарь говорил: это – волна. Когда я задавал вопросу и другому, кто из вас прав, они говорили, мы оба правы, а ты научись понимать мир во всем его разнообразии.

Многие выдающиеся академики Российской академии наук действительно очень сильно повлияли на меня, когда я решал серьезные научные задачи.

Очень близкие отношения у меня были с **Георгием Константиновичем Боресковым**, лучшим специалистом в мире по гетерогенному катализу. У меня есть совместные работы с Георгием Константиновичем. Я впервые занимался термодинамикой в катализе у **Ройтера Владимира Андреевича** и у **Бродского Александра Ильича**. Пожалуй, я тогда был первым, кто занимался кинетическими явлениями с позиций классической термодинамики Гиббса. Потом довелось мне встретиться с **Ильей Романовичем Пригожиным** и очень близко с ним пообщаться. Тогда он говорил: «Как ты мог применить гиббсовскую термодинамику к сугубо кинетическим процессам? Но ты очень грамотно подошел и разложил все по полочкам и сумел объединить стационарное и нестационарное протекание процесса». С 3-го курса я учился в Киевском госуниверситете у **Моисея Владимировича Товбина**.

Но, конечно, наибольшее впечатление на меня произвел Илья Романович Пригожин. Он родился в Москве в 1917 году. Но всю свою жизнь провел во Франции и в Бельгии. Я был с ним содиректором НАТОвской школы. Были две натовские школы, меня приглашали, я был дважды содиректором и по химии, и по биологии. Вот там мы и встретились и в активном общении провели 10 дней. Общение с этим необычайно эрудированным человеком существенным образом отразилось и на моей будущей жизненной позиции, и на моем отношении к науке вообще.

Кроме того, очень близкие отношения сложились у меня с **Николаем Павловичем Лавёровым**, который был вице-президентом РАН. Он занимался радиоактивными элементами, и я в дальнейшем занимался радиационными проблемами в химии и в физике. Академик СССР **Николай Альфредович Платэ** курировал мембранные водные процессы. А в те, еще советские, времена, в 1990-х годах, мне удалось создать очень мощную программу «Питьевая вода». Это была советская программа, на неё были выделены 5 миллионов рублей, тогда это были огромные деньги. И я сумел тогда организовать весь потенциал Украины под решение водных проблем. Три мощных направления: *подземные воды, поверхностные воды и питьевые воды*. Практически все наши академики занимались экологическими проблемами.

Сейчас эти проблемы получили еще большую остроту из-за той ситуации, которая сложилась на территории нашей страны. Под программу «Питьевая вода» Николай Альфредович способствовал выделению денег, помогал и **Садовничий Виктор Антонович**, ректор МГУ. Я до сих пор поддерживаю эти контакты, они пишут в издаваемый нами журнал, я пишу статьи в российские журналы, у нас очень хорошие взаимоотношения. К сожалению, нет того единения, которое было раньше, сказывается какое-то политическое противостояние.

В те годы мне удалось, благодаря моим контактам с потомками рода сахарозаводчиков **Терещенко**, столкнуться с проблемами питьевого водоснабжения в Париже. Париж перешел на озонирование питьевой воды. Всего 2–3 города в мире вместо хлорирования перешли на озонирование.

В конце 1990-х годов, работая вместе с французскими учеными, мне удалось создать программу ЮНЕСКО по питьевой воде. Это была очень крупная программа, которая объединила, практически, все страны Европы. И с помощью этой организации удалось создать Организацию черноморского экономического сотрудничества, куда входило 10 стран, в том числе все страны Причерноморья (Россия, Грузия, Армения, Азербайджан, Украина, Молдова, Греция, Албания, Турция). Я возглавлял этот научный совет, были очень серьезные программы. У меня в кабинете тогда проводилось много совещаний, были представители всех этих стран, мы радикально решали вопросы питьевого водоснабжения. Сейчас эти работы затихли.

Меня приглашали и в Италию, и во Францию возглавить лабораторию по воде. Я где-то даже давал согласие на какое-то время уехать в Италию, но **Борис Евгеньевич Патон** не счел целесообразным дать разрешение, чтобы я туда, даже временно, ехал. Оборвались важные контакты, на которые я очень рассчитывал на будущее.

Но главное, что те работы по воде, которые мы вели, принципиально отличались от всех работ, которые делались в мире. Наш подход в области водоподготовки и сегодня принципиально отличается от всех работ, которые ведутся в мире.

Несколько лет назад мы создали принципиально новые ГОСТы. В 2014 году, когда площадь в Киеве была закрыта, Кабинет Министров был в осаде, я подписывал документы на Государственные стандарты по питьевой воде. Они были приняты, утверждены, ими пользуется не только наша страна, но и все остальные страны. По тем параметрам, которые мы вводили для питьевой воды, и сейчас оценивают качество воды. Не по наличию тех или

иных компонентов (тут совершенно тупиковое решение проблемы), а по влиянию качества воды на организм человека. А качество воды определяем по анализу крови. Кровь реагирует буквально мгновенно на присутствие загрязнений.

Доброе слово скажу про моего заместителя **Михаила Васильевича Милюкина**. Это – аналитик от Бога. Он может обнаруживать то, чего никто другой не обнаружит. Его родина – Россия, Воронеж, там он получил базовое образование. И про **Анатолия Терентьевича Пилипенко**, который первым по настоящему начал превращать Институт коллоидной химии в Институт воды. Коллоидная химия имеет и сегодня второстепенное значение, не столь важное, как качество воды. Тем качеством воды, которое делаем мы сегодня, пока в мире не владеет никто. Наш Институт даже в том виде, в котором он есть сегодня – урезанном почти в 5 раз, – не имеет равных в мире. Потому что тот набор тестов, которым мы пользуемся, уникален. И это позволяет находить технические решения в подготовке питьевой воды.

Вот сегодня утром неожиданно пришли в институт с 1-го канала телевидения взять интервью, мол, буквально пару минут расскажите о качестве колодезной, артезианской, днепровской воды. Я начал рассказывать, вышло на полтора часа. Им все было интересно.

А у меня возник вопрос, эта информация доходит до сознания ученых? К сожалению: нет. ГОСТ принят, но ГОСТом не пользуются, хотя никто его отменить не может. Я направил этот ГОСТ в Российскую Федерацию в Госстандарт и в Европейский Союз. Все дают отличные отзывы, всё великолепно, но никто ГОСТ не вводит. Когда меня спрашивают, почему не вводят, я отвечаю: «Есть одно понятие, которое ломает всё. Вода питьевая – это не жизнь, а бизнес».

На воде делают бизнес. Хлорируют воду 200 лет. По прошествии чуть больше 100 лет появилась онкология, которую раньше не выявляли, а теперь нет ни одного человека, у которого не было бы в той или иной степени онкологии. Провоцирует хлор, хлорорганика. Это то, что американцы активно использовали, если говорить о последних событиях, в Сирии. Все токсичные соединения – зарины, зоманы, которые есть на вооружении всех армий мира, – все сделаны на основе хлора. А мы хлорируем водопроводную воду.

Когда у меня спрашивают, как я квалифицирую водопроводную воду, я отвечаю: годна для того, чтобы помыться, прибраться в квартире, но не для питья. Но когда человек принимает ванну, он заражается? Я говорю: нет, ибо в ванной человек индифферентен к хлорированной воде. В ванной человек потеет, воду не впитывает, в сауне тем более. Поэтому купаться в ванной можно. А в днепровской воде нельзя, хотя вода там не хлорированная, но там появились микромицеты, вызывающие грибковые заболевания.

Совместно с лучшими специалистами **Э.З. Коваль** и **А.В. Руденко** мы написали книгу по микромицетам. Это первая монография в мире по микромицетам. Она получила очень широкий отклик во всем мире. Бороться с микромицетами очень тяжело, но можно. Подобных работ, действительно, в мире нигде нет. Нигде нет работ по обнаружению этих микромицетов.

Я.С. Яцків: Владиславе Володимировичу, я на правах співголови і дружби з Вами скажу: це надзвичайно цікаво, але переходьте вже до теми ... (шум у залі)

В. В. Гончарук: Да, я уже перешел. Без сильной науки невозможно сильное государство. Так вот, теперь о том, что нужно не только для Президента Академии наук, а главным образом, для Президента страны: мало сделать концепцию, ее надо реализовывать. На заседании РНБО я говорил о том, что Украина – единственная страна в мире, где ни на одном предприятии вообще нет очистных сооружений. Об Академии поговорим потом, я акценты расставляю. Концепция есть, но никто не хочет её реализовывать, почему? Потому что – это не бизнес.

Почему самые дешевые и качественные продукты в Китае? В Китае нигде нет очистных сооружений. Когда у нас отмечали столетие Академии наук, ко мне подошел Президент Академии наук Китая и говорит: «Я тебя приглашаю в Китай». Я говорю: «А что я там делать буду, вы же ничего не делаете с водными ресурсами, вы все сбрасываете в водоёмы». Он говорит: «Зато мы конкурентноспособные». Я говорю: «Да, за счет этого себестоимость товаров в 2 раза дешевле». У них эти знаменитые реки Хуанхэ и Янцзы сине-черно-зеленого цвета. Это правда. У них уже нет воздуха. Вот мы в масках сидим, а они в масках ходят, защищаясь от воздуха, которым невозможно дышать. Транспорт там, конечно, вы все знаете, какой. Я не хочу плохо говорить о Китае, все-таки великая страна, была когда-то дружественная. А сейчас друзей нет, сейчас всё определяется деньгами, к сожалению.

Человечество потеряло чувство нравственности, чувство достоинства. Мы перестали понимать, что в мире нужно, а что не нужно. Все измеряется только в деньгах. Есть концепции, технологии и можно все легко делать.

Мы делаем установки для очистки воды. Вот на Труханове острове мы поставили установку на три с половиной тысячи литров в час. Это и для приготовления пищи, и для питья. И возле нее выстраиваются очереди машин с ёмкостями, как сказал управделами. Едут за водой не к бювету, а туда. Качество воды примерно одинаковое, что в подземных бюветах, что там. Я в Киеве открывал вместе с А.А. Омельченко бюветы для воды из сеноманского и юрского горизонтов. Такие же воды есть и в Полтаве, и в Чернигове, и во Львове, но никто не хочет ничего делать, никому не надо, никто не видит, какие деньги будут получать. Для этого нужна централизованная власть и понимание в Академии наук.

Почему говорю так об Академии наук? Почти 15 лет мне не дают возможности выступить на Президиуме. Ни с институтским отчетом, ни с научным докладом. Ярослав Степанович помнит, когда я последний раз выступал? Почти в прошлом веке, либо в начале этого. Регулярно, каждый день пишу докладные, что хочу выступить с докладом.

Пару лет тому назад я обнаружил, что потекла сильно Киевская ГЭС. А реакция? Нулевая. Авария будет? Будет. Написал письмо в РНБО. Меня пригласили, я им рассказал. Там ответственным секретарем был тогда **Сергей Иванович Литвиненко**, очень умный человек, директор Института стратегических исследований. Он внимательно меня выслушал и сказал: «Владислав Владимирович, что ты говоришь? У нас официальные отчеты, плотина – нормальная». Я говорю: «Даже Днепрогэс, который построили

в первые годы советской власти, уже начинает течь. Ремонт не делался 30 лет. Все остальные ГЭС построены намного хуже, некачественнее. А эта уже прорывалась в 1985 году». Возможно, вы не помните, а Гончарук знает эти все материалы. Этот прорыв, несмотря на то, что подтопило пол Киева, был засекречен под грифом СС, да еще и в квадрате. Совершенно закрыто. Засыпать ничем не могли, залепили стену хлебом, мукой – тем раствором, из которого построен Кремль московский и башни Кремля. Но там они стоят тысячу лет, и будут еще стоять десять тысяч. А тут 35 лет раствор держал, но для микромицетов, которых мы обнаружили, это – еда. Они съели тот хлеб, и – вода потекла. Не сегодня-завтра прорвет. Дай Бог, если прорвет одну эту. А все остальные полетят от волны. Они все не ремонтировались 30 лет со дня Независимости.

Скажу о самом главном. Ровно год тому назад я написал статью о великом ученом **Дмитрии Ивановиче Менделееве**, который создал таблицу периодичности химических элементов. Я его поправил. Это не таблица периодичности, это – закон периодичности химических элементов. Закон, которому подчиняется Вселенная. По такому принципу устроен весь мир. Она уже опубликована, получил 5 отзывов, интересных. Из Англии, Австралии, Италии и других стран. Применение таблицы – это понимание мироздания, где мы живем.

Сейчас расшифровываю Бога. Расшифровал первые семь дней сотворения мира. С научной точки зрения, не смейтесь (голос из зали: «Все плачут»). Ну, плакать можно. Я надеюсь, что в ближайшее время эти работы я представлю вам всем. Это самый большой закон, который действует в мире.

Головуючий: Будь ласка, кілька слів про Академію, про діяльність Президента академії, якщо ним стане академік Гончарук. Які будуть перші кроки, які проблеми є?

А.Г. Білоус: І якщо можна – безпосередньо 1-й, 2-й, 3-й кроки, тому що ми всі чекаємо змін. Ось, що потрібно робити? Розігнати всіх чи зібрати?

В.В. Гончарук: Есть у нас свобода? Тот, кто делает доклад, может делать его так, как он считает правильным.

Хорошо, вы меня остановите в любой момент.

Все таки я хочу обратить ваше внимание: самые главные вещества в мире – это водород, гелий и вода. Всё остальное – вторично. Из водорода и гелия строится вся таблица Менделеева. Это главное. Для вас это интересно?

Это может быть важнейший научный результат, равно-го которому пока я не вижу. Все очень просто. Просто нужно понять таблицу Менделеева и понять устройство атомов и космос. Ярослав Степанович, я немного посягаю на Вашу сферу деятельности, но космос устроен, не просто, как мы себе представляем, а он устроен так, как устроена таблица Менделеева. Вот здесь роль химии чрезвычайно важна. И надо обратить внимание, что в космосе, кроме водорода и гелия, ничего нет. Весь мир строится из водорода.

Головуючий: Будь ласка, про Академію.

В.В. Гончарук: Какие самые большие проблемы я вижу в Академии и в ее структуре? Мы потеряли роль ведущей организации в нашей стране по организации науки.

Я вспоминаю первые годы независимости, когда в структуре Верховной Рады было достаточно много академиков. Кстати, из пяти претендентов три человека были в структуре власти. *Комисаренко, Семиноженко и Данилишин* – очень достойные кандидаты.

Так вот, нужны ли нам в маленькой нашей стране шесть академий наук? И все – национальные? Не нужны, нужна одна Академия. Самая большая страна в мире – Россия – имеет одну академию. Правда, когда она из трех сделала одну, возникли серьезные проблемы с базовой академией: не могли избрать ни академиков, ни членкоров, и если вы помните, избрали всех помощников Путина. Но *В. Путин* – мудрый человек, он всех их уволил и набрал новую администрацию. С тех пор никто больше из администрации Президента не участвует в работе Российской академии наук.

Должна быть одна Академия.

Что еще неладно в нашей Академии? Слишком много отделений, слишком много институтов. Я начну с себя. Есть Институт коллоидной химии и химии воды имени А.В. Думанского и есть Институт биокolloидной химии им. Ф.Д. Овчаренка. Был у *В.П. Кухаря* замечательный Институт органической химии и нефтехимии. Добавили слово «биоорганической», чтобы развести двух академиков. И вот таких дублей много: у нас угля нет, а институт углекислотной химии есть, полимеров нет, а институт полимеров есть. Это правильно? Зачем такое количество институтов? Это я говорю только про наше Отделение химии.

У нас нет координации работ. А когда дело доходит до решения фундаментальных вопросов, – идет дикая борьба за деньги, а не за конечный результат. Никто не представляет, зачем ему нужны деньги, и какие результаты он может получить. Я ни в одних документах не видел, зачем берутся те или иные программы. А программа должна начинаться с того, какая проблема должна быть решена в Украине, а иметь шесть академий и шесть президентов не нужно.

Считаю, что делить академиков на академиков 1-го класса и 2-го класса, т.е. академиков и член-корреспондентов, – аморально. Надо оставить одних академиков, перевести член-корреспондентов в академики. А какая зарплата? Отвечаю: либо средняя, либо, как у членкоров, если денег не хватит. На что мы тратим время и ссоримся друг с другом? Эту психологическую, но очень важную внутреннюю проблему нужно решить.

Нужно, но невозможно сделать единоначалие. Все академики – очень уважаемые, все нужные. Легко наехать на Гончарука и сказать: «Зачем нам институт воды, да еще с коллоидной химией?». А я буду упираться, как угодно, как и все. Президент должен ставить задачи и решать их.

Что мне еще очень не нравится? Например, на Президиуме выходит докладчик, читает доклад, выходит выступающий, читает выступление, потом вопросы: читают вопрос, докладчик читает ответ. Я называю заседание Президиума «изба-читальня».

Вот те научные работы, которые мы ведем, кому они нужны? Богу? А ему не надо, он и так все знает наперед. Мы пытаемся понять, что создал Бог. Я был коммунистом, им остаюсь в душе по идеологии своей, по знаниям своим, но мы должны в научной деятельности все-таки исходить из того, что сначала ставится задача. Вот, к примеру, по поводу киевской плотины. Что, рухнет страна? Да, рухнет из-за плотины. И чем всё кончилось?

Я несколько раз обращал внимание на эффекты проявления дегазации водорода из земли. Он может взрываться на глубине 50 м и выше. Это явление, которое я изучал 50 лет тому назад. Например, Тунгусский метеорит – это тоже могло быть следствием того, что метеорит ударился в замороженную, по счастью, землю (осколків «метеорита» досі не знайдено – *Ред.*). И взорвались огромные пласты водорода, которые не могли свободно выйти из оледенелой Сибири. Это обычное явление с точки зрения науки.

Относительно организационных вопросов по отношению и к количеству институтов, и количеству отделений. Надо стремиться сделать так, чтобы не было конфликтных ситуаций, причем это не Президент должен делать. Президент должен заниматься только организацией этих вопросов. Решать должны отделения и секции.

Голос із зали: Отделение не может самоликвидироваться.

В.В. Гончарук: Я и говорю, что это – деликатные вопросы, которые не должны решаться единолично. Борис Евгеньевич тоже не брался за эти вопросы.

Есть академические амбиции, тем более что люди все уважаемые, их обидеть легко, а здесь нужно делать деликатно, продумывая каждый шаг. Вот, создали еще 5 национальных академий, а лучше ли стало? Пошло всё, как всегда, наперекосяк. Просто внутри должны самоорганизоваться. Роль Президента – организовать эту самоорганизацию. Вот Ярослав Степанович смотрит в пол. Что – это невозможно? Возможно. Мы же умные люди и понимаем, что не можем всегда быть директорами, и не нужно.

Теперь про студентов. Студенты сейчас к нам не идут. Помню, когда я оканчивал институт, приходили директора, нас нарасхват брали. Но это были 1960-е годы, это был подъем Академии. С тех пор мы выросли в численности чуть ли не в 10 раз. А нынешних студентов надо не просто заинтересовывать, их надо заставлять. Они сами не пойдут в науку, зарплаты маленькие.

Я читал лекции (сейчас перестал читать) по химии, по биологии. Студенты мои сразу все уходят в фармацевтику. Им дают там сразу квартиру или общежитие, зарплаты, которые превышают мою директорскую. Зачем ему идти аспирантом к Гончаруку, пусть даже академику, когда ему надо кормить семью и жить где-то надо? Их перекупают, даже тех, которых берем в аспирантуру.

Я много времени провел в структурах власти, создавал много структур в Европе, совместных с нашими. Тогда в мире не знали Украины. Все говорили: «Это из Советского Союза» Мышление западных ученых понятно. Я имею там достаточно много друзей. Из зарубежных ученых, конечно, Пригожин. Ему равных не было и нет.

Нам нужно заниматься воспитанием ученых, начиная от кандидатов и до докторов наук. А студенты, если они учатся на бюджетной тематике за государственные деньги, обязаны минимум три, а то и пять лет отработать в научных учреждениях. Через пять лет у них отпадет желание куда-то уезжать. За пять лет, как правило, люди делают диссертацию, а кто разочаруется, сам уйдет.

Если вдруг случится, что Гончаруку придется выиграть выборы, – я понимаю тяжесть всей этой работы. И вижу свою задачу в том, чтобы не заставлять вас что-то делать, а заставить думать и принимать совместные правильные решения.

Я говорю, что химия, биохимия, биология, геохимия, геофизика – это должно быть единое отделение. У нас сейчас 11 химических институтов: коллоидной химии, биокolloидной, органической, биоорганической и т. д.

В чем роль Президента? Он должен брать на себя ответственность, проводить реформы, качественно организовывать сильную науку, плодами которой воспользуется сильное государство. И возраст НАН должен омолодиться.

Когда началась эта предвыборная кампания, я проводил ученый совет. Говорю, вот, началась кампания, просто как информация. И голос из зала: «Гончарук, а почему мы не можем Вас выдвинуть в Президента?» Я говорю: «Да вы можете все, но мне оно зачем?» Говорит: «А нам надо!». Вот ученый совет и проголосовал. Я еще думал: подавать, не подавать документы. А потом думаю: «Да хоть поговорить получится». Я хочу, чтобы меня услышали. Чтобы власть услышала. Если выберут, я не скажу «нет».

Реформы делать надо. Кто-то должен на себя взять черновую, грязную работу. Он это должен понимать и с ответственностью к этому относиться. У меня нет преимуществ ни перед кем из претендентов. Думаю, что мы единомышленники. Если вдруг я стану Президентом, то они у меня будут первыми вице-президентами. Умы у них опытные, это – талантливые ребята.

Я работал с Комисаренко, когда он был вице-премьер-министром Украины. Тогда я в Москве, от *Платэ*

(М.А. Платэ, российский химик, академик РАН – *Ред.*) получил 5 млн. рублей. Тогда это была половина бюджета Академии. Создал мощную программу и решал, кому сколько давать денег. Решал я один. На голосование не ставил. Сколько кому нужно. Но результат был, потрясающий.

Поехал я за рубеж. Ведущие конгрессмены США решили показать мне, как и что делается: по всему восточному побережью показывали мощные водопроводы во всех крупных городах. Я спрашиваю: «Хоть один рабочий журнал можно посмотреть?». Нет ни одного. Я говорю: «Хорошо, я вам скажу, какие у вас результаты по качеству воды. У вас хлорорганика зашкаливает». Они: «Слушай, ты что, сквозь землю видишь?» Я говорю «Я вижу, какую воду вы берете, а что на выходе?». А в Чикаго на 7-ом этаже – мировой Гостстандарт. Там пожилой сотрудник, из советских эмигрантов, возглавляет их ГОСТ (точнее, возглавлял, это было лет 15–20 тому назад). Я у него спрашиваю: «Сколько известно химических соединений в мире?» Он человек простой и говорит: «А сколько б ты дал?» Я говорю: «5 лет тому назад было 5 млн., сейчас миллионов 10». Он талмуды свои открыл, говорит: «Слушай, ты у Бога читаешь? Да, 10 миллионов». Я говорю: «Я веду свою статистику, мне интересно». ■

(Текст виборчої програми див.: <http://files.nas.gov.ua/text/programs/2020-01GoncharukVV.pdf> – *Ред.*).

Головуючий: Зараз будуть запитання. Валерію Леонідовичу, прошу, будь ласка.

Член-кор. НАН України **В.Л. Мазур**, доктор технічних наук, професор (Фізико-технологічний інститут металів та сплавів НАН України): Владислав Владимирович, Ваш взгляд на взаимоотношения НАНУ и МОН, учитывая полную некомпетентность в Министерстве образования и науки Украины в последние годы? И как Вы думаете, какая должна быть линия поведения?

В.В. Гончарук: Во всех структурах власти, начиная с Президента страны, должны быть ведущие ученые в роли советников либо в роли каких-то исполнителей. Я не сказал, что я был в составе пяти министерств одновременно (голос із зали: «В коллегии»). Да, в коллегии. И министры единолично принимали решения, Только **А.Ю. Кучеренко** приглашал 4–5 академиков в свою коллегию. Это были *Гец, Долинский, Гончарук*, кто-то еще. И без нашего согласия он не принимал решения.

В.Л. Мазур: Вот Вы будете Президент. Какие Ваши действия по отношению к образованию и науке в МОН?

В.В. Гончарук: Говорю: это две совершенно разные структуры. Учеба – это одно, привлекайте Академию для чтения лекций в ВУЗах, но не более. МОН не должно вмешиваться в дела Академии. Академия должна подчиняться лично Президенту и решать вопросы с Президентом.

В.Л. Мазур: Понятно. Следующий вопрос. В Национальной академии наук Украины расходуется большое количество финансовых ресурсов на исследования, посвященные развитию военной техники, систем, боеприпасов и т. д. Считаете ли Вы, что эти исследования экономически обоснованы соответствующими бизнес-планами?

В.В. Гончарук: Это на ветер выброшенные деньги. Украине воевать не с кем и не надо готовиться к войне, надо вести политику таким образом, чтобы вокруг нас были только друзья, а не враги. Враги могут быть только внутри, а когда мы их создаем извне, это говорит только о нашей некомпетентности управлять страной. Это моя позиция и она правильная.

В.Л. Мазур: Понятно. Следующий вопрос: Вот сегодня продлевают допустимые сроки эксплуатации атомных электростанций, гидроэлектростанций, мостов и других стратегических объектов. Зачем это делается, если оснований для таких продлений сроков эксплуатации практически нет. И еще вопрос про ядерное топливо. Главный конструктор атомных электростанций не подписал разрешения, чтобы брали американское ядерное топливо. А его завозят. Как быть?

В.В. Гончарук: Власть надо иметь в стране. Мы должны влиять на центральную власть, научно убеждать в целесообразности принимаемых решений.

Помните, когда **Юлия Владимировна Тимошенко** делала большой доклад на Президиуме? Толстую книжку написала тогда, не самую удачную, но доклад сделала красивый. Я говорю: «Юлия Владимировна, обратите внимание, что Вы присутствуете в Академии наук, а Президент Академии наук не входит даже советником в Кабмин». Она говорит: «Завтра исправлю». Это был вторник, а в среду начинается заседание Кабмина, открывается торжественно дверь и Юлия Владимировна входит под ручку с Борисом Евгеньевичем. Мне было приятно – мгновенное решение. А сейчас ни одного ученого – ни в министерствах, ни в Кабмине. Зачем мы тогда нужны, если наше мнение никому не нужно. Это моя позиция.

В.Л. Мазур: Последний вопрос. Срок службы на атомных электростанциях, значит, продлевает Национальная академия наук, а Вы говорите, что там есть такая опасность. Что надо делать, и кто в Академии продлевает срок эксплуатации?

В.В. Гончарук: Вы задали очень тяжелый вопрос. Вот кто? А никто. Я в таких случаях говорю, что всем правит бизнес. А бизнес – это денежные интересы. Неважно, что станция завтра взорвется, сегодня нужно качать деньги. А вообще, нужна государственная политика, где присутствует научное обоснование.

В.Л. Мазур: Вот Вы – Президент Академии наук. Ваши действия?

В.В. Гончарук: Идти к Президенту страны и решать насущные вопросы. Не тет-а-тет в кабинете, а собрать небольшую группу профессионалов. Либо что-то надо закрыть, либо что-то надо новое строить. Но атомные станции все Россия строила, это разработки российских... (голос из зала: «Советский Союз строил»). Сейчас Россия во всех странах мира за очень малые деньги их реконструирует и продлевает на несколько десятков лет, не меняя по сути ничего. За достаточно дешевые деньги. Но мы же этого не делаем.

Головующий: Дякуємо, ще запитання?

Академік НАН України **В.А. Широков** (директор Українського мовно-інформаційного фонду НАН України): У меня вопрос методологического, может, даже философского характера. Как известно, определения с действиями бывают двух типов: рефлексивные и рациональные. Рефлексивные – это те, которые отвечают на вопрос «что?», а рациональные – которые отвечают на вопрос «как?». Обычно люди очень сильны в первой, рефлексивной, части. Мол, нужно то, то, то. А вот как это сделать, никто не знает. В том числе и Вы, Владислав Владимирович.

В.В. Гончарук: Скажите, чего я не знаю? Буду стремиться находить решения.

В.А. Широков: Нет, нет. Вопросом на вопрос здесь не удастся отвечать. Здесь нужно ответить конкретно. Мы много услышали о том, что нужно сделать, но абсолютно ничего не услышали относительно того, как этого добиться. Кроме того, что нужно пойти к Президенту страны. Мой вопрос: «Как нужно правильно вести себя Президенту академии наук?»

В.В. Гончарук: Я ответил, Вы меня не услышали. Ведущие ученые должны входить во все структуры власти – в министерства, в Президентский совет ...

В.А. Широков: А кто их туда пустит?

В.В. Гончарук: Это должен делать Президент страны. Мы живем для кого? Не для Президента, а для страны. Власть должна прислушиваться к нам. Мы сегодня вообще вслух ничего не говорим. Вы слышали где-то с трибуны Верховной Рады, там, наверное, и депутатов академиком нет, я имею в виду членов Академии... (шум у залі).

Академік НАН України **С.І. Пирожков** (директор Національного інституту стратегічних досліджень при Президенті України, віцепрезидент НАН України): Крім академіка **Олександра Копиленка**, директора Інституту законодавства Верховної Ради України.

В.В. Гончарук: А почему не было ни одного кандидата из ученых при выборах Президента страны? Ни одного. Там их было 50 или 70 человек.

Головующий: Будемо вважати, що відповідь відбулася.

В.В. Гончарук: А что, я не прав? (шум у залі) Мы же не предлагаем ничего. Мы можем сделать мощную инициативную группу, которая бы пошла к Президенту страны и выставила не просьбу, а условия – мы требуем. Главное, надо проявлять инициативу. А мы же ее даже не даем.

Головуючий: Ще є запитання. Будь ласка.

С.І. Пирожков У мене одне запитання. Скажіть, будь ласка, як Ви бачите майбутню Україну – як об'єкт чи як суб'єкт міжнародних відносин?

В.В. Гончарук: Вопрос сложный. Мы получили независимую страну даром. Украина была самая богатая республика, самая интеллектуально развитая, самая технически оснащенная. Заводы, какие были у нас, равных им не было. В России не было таких заводов. Мы порезали, продали металл. Теперь и землю будем продавать.

Мы живем в стране, мы избираем Президента Академии. Академия еще есть, под нами еще есть земля, но я не уверен, что она наша. Понимаете, нужно радикально переделать власть, чтобы она понимала, что отдельно страна в нашем мире, при глобализации, жить не может. Прежде всего, мы должны в дружбе быть с соседями. Если мы с соседями воюем - грош нам цена. Если сосед агрессивен - покажите, что он агрессивен и ведите себя адекватно. (голос із зали: «Крим же забрав?»). Есть народ Крыма, он высказал свою позицию. Да, я был в Крыму, когда он был российским. И всегда он был российским. А вы знаете, что сделали наши олигархи с ботаническим садом?

Я.С. Яцків: Друзі, давайте я вмішаюсь як співголова. Не перебивайте запитаннями відповіді. Чітко! Хто хоче задати запитання? (шум у залі).

Академік НАН України **А.Г. Білоус:** Мое запитання буде подібне до того, яке я вже задав, а Ви не відповіли. У Вашій програмі написано буквально так: «Потужним підйомом російської держави почався підйом зі створення у 1724 році Петром I Академії наук» і через кому: «спадкоємцями якої ми є». Далі написано: «Історія Національної академії наук України починається з 1918-го року, з листопада, коли указом гетьмана Петра Скоропадського вона була утворена». Але далі: «безпосередньо інституційним попередником української Академії наук було наукове товариство імені Шевченка у Львові». Воно працює, до речі, і сьогодні. Кожного року проводять відповідні зібрання, приїжджають люди із-за кордону, і це проводиться під егідою керівництва міста та Українського наукового товариства у Києві, які з різних причин не переросли у національну академію. Це випадково у програму попало, чи це ваша позиція?

В.В. Гончарук: Позиция, твердая позиция.

А.Г. Білоус: Все. Я тільки абсолютно з Вами не згоден, що якщо росіяни напали на Україну, то потрібно з ними дружити. Все.

В.П. Соловійов (професор, заступник директора Інститут ім. Г.М. Доброва НАН України): Ви сказали, що стандарти не виконуються, а все ж є законодавство, яке регулює – одні стандарти витікають з інших. У нас в Академії є Інститут держави і права. Чи зверталися Ви до цього інституту, для того щоб вони допомогли Вам протиснути ті стандарти таким чином, щоб все було нормально і збалансовано?

В.В. Гончарук: Прихожу в РНБО, показую два документа, підписані **Петром Порошенком** перед его уходом, что водопроводная вода считается непитьевой. Какая должна быть реакция – эти ГОСТы убрать. Я предлагаю: пустите меня на заседание РНБО, я всем членам расскажу, что нужно делать. Вы же сделали уже абракадабру, она опубликована. Одна рука делает то, чего не знает правая (шум у залі). Так есть в стране власть?

В.П. Соловійов: Да причем здесь власть? Есть законодательство, и есть специалисты в области законодательства, которые видят разбалансированность и видят, в каком направлении его нужно развивать.

В.В. Гончарук: Это значит – расформировать это государство, в котором неразбериха творится (шум у залі).

Я.С. Яцків: Всім трьом кандидатам я задавав одне й те саме запитання. **Загородній** говорив про фізику і частково про астрономію. **Семиноженко** говорив про фізику і частково про матеріалознавство. Гончарук говорить про хімію і навіть про космос. Мені це дуже приємно. Але всі три кандидати забули, що у нас третина академії – економісти і соціологи, третина – гуманітарії.

Як Ви відносите до цих категорій наук і що з ними робити? Скажу свою думку – їх розплодилося дуже багато і їх не побороти. Як Президент, якщо Вас виберуть, до цього будете відноситись?

В.В. Гончарук: Я уже сказал кратко: упорядочить структуру Академии наук, начиная с аппарата Президиума. Всегда надо начинать с головы. Вы правы, что поднимаете эти вопросы, но я не о химии говорил, я говорил о другом – о том, что в структуре власти должны быть ученые. Не советниками, а членами. Юлия Владимировна это делала, больше никто не делал. Что, она – такая умная? Нет, она очень грамотная и понимала, на кого потом можно опереться.

Я.С. Яцків: Ні, ні, я мушу прокоментувати. Коли прем'єрміністром був **Віктор Андрійович Ющенко**, я був першим заступником міністра освіти і науки України. Я, як і Ви, виступав на засіданнях Кабінету Міністрів, отримував догани, але Ющенко слідував нашим вказівкам. І тоді Ющенко не відмінив державні науково-технічні програми, не відмінив технопарки, як це зробила Юлія Володимирівна, і як роблять зараз **Денис Шмигаль** і **Володимир Зеленський**. Ми нині виступили з колективним листом, в якому написали, що Шмигаль не мав права як прем'єрміністр відмінити державні науково-технічні програми, бо це прерогатива Верховної Ради. Відповіді я не отримав, хоча всі підприємства космічної галузі підписали листа. Це коментар. Я згодний із Вами, що при владі повинні бути відповідні незалежні радники-науковці, які мають незалежну думку. Це сприяло би праці. Дякую.

В.В. Гончарук: Но они должны нести ответственность за свои предложения, они должны не советы давать, а научно обосновывать, как нужно менять и что.

Я.С. Яцків: Так, якщо людина вже знана, вона думає, що і як. Анатолію Михайловичу, дайте мені одну хвилину для виступу.

Головуючий **А.М. Негрійко:** Я вам даю, а Ви мені. У нас дистанційно є Петро Стрижак. Поки ми його підключимо, я хочу задати запитання. У нас на цих зустрічах задається запитання такого характеру. Академія, Президентом якої Ви можете стати, – це Національна академія наук України. Не іншої країни, не частини іншої країни, а саме України. У цьому сенсі хотілось би почути: Ви бачите Академію наук України як наукову установу незалежної держави, яка має авторитет у світі?

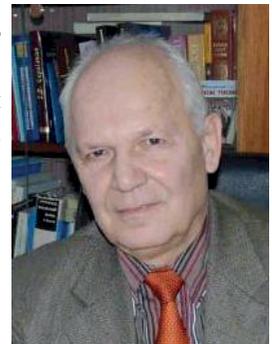
В.В. Гончарук: Однозначно да. Она и есть сейчас такая. Она работает на экономику Украины. Когда я говорю о России, я имею ввиду, что если мы хотим усилить наши позиции, то не надо закрывать границы. Нужен позитивный опыт, учиться у всего мира лучшему, но нельзя быть закрытому. Закрытыми бывают только хиреющие, уничтожающие сами себя цивилизации.

Я.С. Яцків: Спасибі, у нас залишилось 15 хвилин. Короткі виступи по 2–3 хвилини. Хто починає?

Академік НАН України **В.М. Локтєв:** Я просто хочу сказати, що з трьох кандидатів, які тут виступали, найбільш радикальні кілька слів сказав Владислав Володимирович. Ми вже говорили щодо структури Академії. Ви теж відмітили, що при реорганізації буде великий опір, але я не почув, як це зробити без конфліктів. Без цього неможливо. Навіть ті кілька необхідних речей, які Ви назвали, вони дійсно серйозні, не будемо казати – радикальні. Більшість з них я підтримую, але бачу, що провести їх демократичним способом неможливо.

В.В. Гончарук: Возможно, но над этим надо поработать.

Я.С. Яцків: Дякую. Хто ще із запитаннями? Валерій Леонідович?

Член-кор. НАН України **В.Л. Мазур** (член Ради з питань науки та науково-технічної політики при Президентові України): Мне кажется, что выступление Владислава Владимировича произвело на всех не очень позитивное впечатление. Я попробую несколькими тезисами обосновать своё мнение. Первое – кандидат обладает глубочайшей эрудицией, имеющей практическую направленность. То есть был разговор не просто о науке, а говорилось о конкретных объектах, проблемах и т. д., имеющих народнохозяйственное значение. Это очень важно, что человек видит не только то, что в микроскопе, а посерьезней.

Второе, что мне кажется важным. Владислав Владимирович говорил честно, то, что он думает. И не пытался говорить обтекаемо, т. е. ни о чем, чтобы всем понравиться, а так, как оно должно быть на самом деле. Мне думается, что позиция его по отношению к власти очень правильная, и к Президиуму Национальной академии наук тоже. Могу сказать, что он выразил точку зрения коллектива нашего института и в значительной степени Отделения материаловедения.

Следующий момент. Очень правильная мысль Владислава Владимировича, что институты надо объединять. Он сказал за химические, а я думаю, что нужно и гуманитарные институты – литературы, истории и прочие. Я могу сказать об Отделении материаловедения. Там у нас есть несколько институтов, которые занимаются одним и тем же, вернее, не занимаются – занимались. Если я им выскажу свое мнение, сразу скажут: оппонент. Но я же работаю в Украине, живу в Украине, мои дети и внуки тут живут, и я хочу, чтобы Академия наук была, и была лучшей, а не какие-то институты, которые уже ничего не делают. Институтов только металлургического профиля уже пять. Зачем аж пять?

Правильной также мне кажется позиция, что часть бюджета Национальной академии наук уходит на Укроборонпром, а этого не должно быть. Да у них есть свой бюджет, зачем? С кем воевать и кого побеждать? Смешно даже об этом говорить. Не надо тратить деньги туда, где ничего не получится. Я могу сказать: все проекты, которые делаются там (я там был, меня приглашали, я занимаюсь промышленностью и знаю), не имеют бизнес-проекта. Все те разработки никто не продаст, не окупятся те деньги. Поэтому: зачем национальной науке там вступать?

И последнее соображение. Я думаю, что не нужно сейчас цепляться к тому, кто какую имеет политическую позицию, кто агрессор, а кто не агрессор. Мы сейчас обсуждаем другие вопросы, и подводить тут националистическую базу – это неуместно. Нам надо говорить об интересах Национальной Академии наук (*шум у залі*).

Я.С. Яцків: Володимире Анатолійовичу, Ви хочете виступити? Будь ласка.

В.А. Широков: Дорогий Владиславе Володимировичу, я завжди з великою повагою ставився до Ваших колосальних наукових здобутків. У Вашому інституті спілкувався з колегами, колосальну справу Ви робите і маєте колосальну ерудицію в своїй галузі.

Мене взагалі бентежить доля Академії наук. Академія вже протягом майже 30-и років втрачає свій вплив і свою вагу у вирішенні питань, які мають державне значення. Поступово нас з усіх важливих інституцій і подій витісняють, наші функції перебирають інші люди, зовсім не компетентні в цих питаннях, а Академія наук мовчки за цим спостерігає.

Це велика проблема, над якою мусить працювати Президія і, насамперед, новий Президент. Я задавав Вам своє запитання, на превеликий жаль, відповіді не отримав. Запитання це дуже складне: Як домогтися того стану, щоб Академія наук зайняла достойне місце, яке їй належить? У всіх програмах кандидатів і у виступі Владислава Володимировича я не почув того, що бентежить нас – представників соціогуманітарної галузі. А вона, насправді, має дуже велике значення і велику вагу. Можу сказати тільки два слова про мову. Мова зараз набула технологічного статусу, це – людська мова, від неї залежить доля штучного інтелекту, а від розв'язання проблеми штучного інтелекту залежить доля людства, бо штучний інтелект є формою індивідуалізації систем, яким притаманний мовний статус. Недооцінка цих питань може дорого обійтися нам усім.

Я.С. Яцків: Дякую. Сергію Івановичу, будь ласка.

С.І. Пирожков: Володимир Анатолійович висловився по тих тезах, які я теж пропонував задати. Це – про роль соціогуманітарних наук. На жаль, Ви, Владиславе Володимировичу, нічого про це не сказали. Я дуже високо ціную і поважаю Вас як вченого, але в плані завдань, які стоять перед Академією, бути великим вченим недостатньо. Треба бути ще й організатором і турбуватись в цілому за всі галузі наукових знань, які розвиваються в нашій Академії. І тут треба думати всім разом, як підняти статус нашої Академії в суспільстві і, перш за все, перед владою. А ходити до Президента країни і казати, що треба робити, – це не дуже ефективний шлях. Тому що вони можуть послухати, подякувати, а потім будуть робити своє. Потрібні серйозні інституціональні зміни, для того щоб статус Академії відповідав сучасним реаліям.

Я.С. Яцків: Дякую. Дмитре Олексійовичу, будь ласка.

Академік НАН України **Д.О. Мельничук** (*Національний університет біоресурсів і природокористування України*): Відносно проблем, які Ви підняли сьогодні. Людство скоріше відчує катастрофу з дефіцитом води, ніж із харчами. Я 30 років пропрацював директором НУБіП, взяв його розбитим і довів до свого 70-ти річчя. Ми перші на пострадянському просторі отримали офіційне визнання. Мені доводилося зустрічатись з багатьма видатними людьми. Ми повинні подумати про інноваційну діяльність. Вона в Академії повинна отримати потужний імпульс.

Я.С. Яцків: Дякую. Миколо Тимофійовичу, прошу.

Академік НАН України **М.Т. Картель**, директор Інституту хімії поверхні імені О.О. Чуйка НАН України, академік-секретар відділення хімії НАН України: Я прийшов сюди послушати виступлення кандидата в Президенти Академії наук. І конечно у мене було очень много вопросов. Они так и остались вопросами, но все сводится к тому: *кто виноват?* и *что делать?* Доклад кандидата можно разделить на две части: научная часть и административная. Что касается научной части, то у Владислава Владимировича есть свой конек – вода. Это, безусловно, важнейшая проблема, от которой никуда не деться, вода – это жизнь. Нет воды – нет жизни.

Но я все-таки хочу остановиться на теме Академии наук. Академия наук не просто была создана в 1918 году в УНР. Академия наук как высшая научная организация была всегда визитной карточкой государственности. Научной элитой можно гордиться. И не УНР сделала Академию наук, а советское государство. Оно с большим уважением относилось к Академии наук. Любая уважающая себя страна должна развивать науку. И не жалеть на это денег. Давать столько, сколько нужно.

Мне кажется, что мы утратили уважение власти к Академии наук. Нужно искать пути, как наладить правильные отношения с властью. Надо стремиться входить во властные структуры. Сочетание Академии с МОН – это, конечно, ошибочное направление. Мы должны быть автономные и самостоятельные. У нас разные задачи. Мы должны взаимодействовать, помогать друг другу. Главное – найти связь с правительством, чтобы там было понимание, что мы нужны.

И последнее. Я не согласен совсем с Владиславом Владимировичем, что нам нужно реформировать именно сейчас, когда все реформы фактически провальные. Мне очень нравится эволюционный путь. Слияние институтов – да, возможно, это необходимо делать, но мне кажется, это будет обеднять нас. У нас есть направления, где у нас есть передовые позиции. Как найти путь к нормальному взаимодействию с правительством? Вот это главная задача будущего Президента Академии.

А.Г. Білоус: Шановний Владиславе Володимировичу, Ви зробили доповідь значною мірою не як кандидат у Президенти. Тільки не ображайтесь, тому що сьогоднішнє засідання – це для Вас, фактично, прекрасна репетиція. І Ви, якщо врахуєте зауваження, на загальних зборах зможете краще виступити. Мені здається, робити акцент на наукову частину не потрібно. Потрібно краще продумати, *що робити*. Дійсно, конкретно сказати: перше, друге, третє, четверте. Я певен, що всі в залі будуть чекати саме цього.

І друге (подобається це Вам чи не подобається). Президент Академії наук – це серйозна державна посада. І Ви повинні чітко визначитись щодо державницької позиції. Тому що Вас буде питати не Білоус, про це Вас буде питати велика частина зали. І через це підтримає Вас чи не підтримає. Я Вам бажаю добра, тому це говорю.

В.В. Гончарук: Дякую.

Я.С. Яцків: Я мушу сказати, що теж був кандидатом в Президенти Академії наук у 2015 році. Борис Євгенович викликав тоді мене до себе, ми годину з ним розмовляли. Борис Євгенович зі мною не погодився, зробив помилку. Бо я йому казав, якщо він свою кандидатуру лишає, то він все одно пройде – така наша Академія. Треба, щоб було 2–3 кандидати, які б десь виступили. Слава богу, що Ви виступаєте і не знімаєте своїх кандидатур. Звичайно, Борис Євгенович зробив помилку, що в 2015 році продовжував бути Президентом. Я його глибоко шаную, але я йому тоді казав і тепер вам кажу – це була величезна помилка для Академії наук.

І ще ось. Я всім вам дарую журнал «Світогляд», тут є колонка «Від головного редактора», а ви напишіть, з чим ви не згодні. І у 5-му номері ми це опублікуємо.

В.П. Соловійов: Я должен сказать следующее. То, что Вы рассказали, интересно. Сейчас я занимаюсь проблемами, связанными с экономикой, и главная проблема сегодня – как же нам достучаться до власти? Те проекты, которые у нас пошли, прошли тогда, когда бизнесмены, входящие во властные структуры, становились убежденными в том, что это нужно. А как это сделать? Нужно включить гуманитарную сферу (экономисты и др.), которая у нас есть, для того чтобы помогли нашему замечательному коллективу, который занимается физикой, технологиями, материаловедением, чтобы они поняли нас и чтобы они воспринимали нас. Это можно сделать только с помощью гуманитариев. Я Вам задавал вопрос по поводу Института государства и права. Они, в общем, не занимаются решением всех проблем, которые нас очень интересуют. А это нужно бы сделать.

Головуючий **А.М. Негрійко:** Шановні колеги, ви почули тезу, що Академія наук витісняється зі сфери інтересів держави. Про це говорили всі. Питання не тільки в тому, що витісняють Академію, а й в тому, що ми робимо недостатньо кроків для її захисту. 30 років із Академією роблять щось таке, як у відомому анекдоті. Якщо жабу кинути в гарячу воду – вона вистрибне, а якщо повільно підігрівати воду – то вона звариться. Нас варять уже 30 років. Процес неухильний. Монотонно зменшується кількість молодих учених. Зменшується кількість за всіма показниками, і єдине, що збільшується, – це середній вік працівників Академії.

Я.С. Яцків: Центр Доброва показав, щоб відновити кадровий потенціал, 25-и років уже мало. Це очевидно. Для того щоб Академію почули, це питання треба настільки загострити, щоб стала зрозумілою катастрофічність нинішнього положення навіть далеким від науки керівникам держави.

Головуючий **А.М. Негрійко:** Щодо реформування. Ось Вадим Михайлович каже, що не можна реформувати інститути демократичним шляхом. Є такий образ: у зорі з часом вигорає паливо і зоря перетворюється з яскравого Сонця у білий карлик і т. д. І в Інститутах відбувається те ж саме. Інститути були свого часу створені під певні задачі. У 1960-ті роки було бурхливе, майже експоненціальне зростання їх кількості – під комп'ютери (тоді – обчислювальні машини), під певні матеріали, під чорну металургію, під напівпровідники. З часом поставлені завдання або були виконані, або вже не лежать у площині пріоритетів. У всякому разі, як для академічної установи. Очевидно, що на часі стало питання реформування таких інститутів. Можливо, шляхом утворення на їх основі установ, орієнтованих на нові сучасні проблеми.

Владиславе Володимировичу, Ваше заключне слово.

В.В. Гончарук: Я искренне благодарю всех за внимание, за все ваши высказывания и пожелания, но я остаюсь на своей позиции. Все, о чем я говорил, я только сделал бы еще жестче. Если мы сами не будем реформировать свою страну, за нас этого делать никто не будет. ■